DOI: 10.17976/jpps/2022.01.11

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ГОСПОДСТВА

И.Л. Недяк

НЕДЯК Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, email: iraned@mail.ru

Недяк И.Л. 2022. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 136-149. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.11

Статья поступила в редакцию: 26.10.2020. Принята к публикации: 16.06.2021

Аннотация. В статье рассматривается научный и практический потенциал изучения власти и демократической политики с философских и теоретико-методологических позиций современных концепций господства. Их развитие вызвано потребностью совершенствовать оптику исследования факторов неизбывного производства социальных отношений господства в (пост) модерновых политиях всех форм демократических режимов. Господство трактуется и изучается как имеющая структурный и диспозиционный характер нелегитимная и нормативно-нежелательная форма власти, которая лишает демократические институты и процедуры их примордиального содержания, формирует пространство неполитического властного взаимодействия, враждебное этосу демократической гражданственности. В концепциях господства переосмысливается наполнение демократического идеала. Высшими политическими ценностями прокламируются эмансипация человека, наделение его правами и полномочиями (*empowerment*). В статье рассмотрены наиболее влиятельные концепции господства, их ключевые теоретико-методологические посылки, которые, во-первых, сформировали мерило форм власти и целеполагания политики на шкале с полюсами "господство / упразднение политики эмансипации – политическая власть / политика эмансипации, *empowerment*" и, во-вторых, лежат в основе предлагаемых стратегий минимизации отношений господства в современных демократиях. Анализ власти и политики современной России в критериях господства и *empowerment* проведен с опорой на разработанный коллективом отдела сравнительных политических исследований ИС ФНИСЦ РАН подход по актуализации концептов "власть" и "господство" в целях их теоретического (пере)осмысления и последующего применения в качестве методологического инструмента исследования отечественной политии. Материалы четырех общероссийских репрезентативных исследований (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), осуществленных отделом, позволили выявить характер влияния отношений господства на нормативные, ценностные, когнитивные, мотивационные и поведенческие установки российских граждан и на этом основании отнести отношения господства к мощному фактору социетальной дезинтеграции и социальной патологии. В статье данные опроса интерпретированы с позиций неоклассической республиканской концепции господства как произвольной власти, которая является триггером развития современного дискурса господства.

Ключевые слова: власть, господство, политика эмансипации, empowerment, концепции господства.

Все считающиеся демократическими режимы (пост)модерновых республик (вос)производят господство – форму нелегитимной, нормативно-нежелательной, неправовой власти, которая изымает у демократических институтов

и практик их примордиальное содержание, а у граждан – ресурсы субъектности. Феноменология отношений господства в условиях институционализированной власти республиканского типа входит в предмет исследований моральной и политической философии, нормативной и критической политической и социальной теории, теоретико-эмпирических исследований. Корпус имеющих разные теоретические и методологические основания работ современного научного дискурса господства отличает общая настройка исследовательской оптики: социальная власть, ее целеполагание, механизмы и результаты осуществления (пере)осмысливаются и анализируются через призму концептов "господство", "эмансипация", "*empowerment*"[1]. Дискуссии в классическом нормативном ключе о содержании понятий "демократическая власть", "демократическая политика" занимают безусловно важное, но не центральное место. Не-господство прокламируется первичным благом в трактовке Дж. Ролза. В этом преломлении анализируются институциональные механизмы и практики демократии. Последняя видится как необходимое вспомогательное (инструментальное) благо, ее *raison d'être* – минимизация социальных отношений господства.

НЕ-ГОСПОДСТВО КАК НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПОЛИТИКЕ И ЕЕ МЕРИЛО НА ШКАЛЕ "ГОСПОДСТВО – EMPOWERMENT"

Метаидею измерения сквозь призму концепта "господство" расстояния между провозглашенными нормами демократического общежития и политикой их реализации выражает максима британского политического философа И. Шапиро: "Не-господство представляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами" [Шапиро 2019: 10].

Кратко обозначим критерии дифференциации власти и господства в наиболее влиятельных современных концепциях господства: неороманской республиканской (господство как произвольная власть), "многоликой" власти (господство как нормативно-нежелательная форма *власти над*), ресурсистских (господство как отношения структурной зависимости и подчинения).

Заметим, что теоретики господства не сосредоточены на известной проблеме дефиниции сущностно оспариваемого концепта и зонтичного понятия "власть", равно как на анализе классификаций поистине раблезианского изобилия подходов к ее определению. При самом общем подходе под властью обычно понимается реально осуществимая способность А (персонального или корпоративного агента) оказывать намеренное влияние на действия и/или возможности действий Б (персонального или корпоративного агента) [Петтит 2016].

Господство определяют как асимметричные, системно воспроизводящиеся субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевым результатом. Это специфическая форма социальных отношений, при которых субъект власти может по своей воле влиять на интересы/предпочтения/выбор объекта власти и (или) использовать его в качестве инструмента для достижения своей цели, игнорируя или подавляя предпочтения/реакцию подвласт-

[1] Понятие *empowerment* ввели в политический лексикон в середине прошлого века активисты феминистских движений. До сих пор в русском языке не найден термин, сколько-либо соответствующий английскому. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т.д., либо прибегают к синтезу транслитерации и транскрипции и получают довольно неблагозвучное фонозаимствование "эмпауэрмент". В статье используется оригинальный английский термин. По мнению автора, на настоящий момент это самый щадящий русский язык вариант.

ного и не встречая ощутимых ограничений со стороны институциональной среды и морального порядка социума.

"Это сладкое слово" *empowerment* за немногим более полувека своей истории прошло путь от лозунга феминистских движений и социально ущемленных групп до теории, науки и действия по идентификации и изучению всех форм и источников насилия в обществе [Perkins 2010]. Процесс сопровождается размыванием содержательного наполнения понятия "*empowerment*", анализ которого не входит в наши задачи. Выделим ракурсы трактовки и изучения *empowerment*, непосредственно связанные с рассматриваемой темой.

В самом общем виде *empowerment* определяется как процесс и результат обретения человеком контроля над своей жизнью и возможности изменять ее в соответствии со своими интересами и преференциями. Значение имеет не только реализованная возможность управлять своей жизненной биографией. Важная роль отводится психологической стороне *empowerment*: расширению представлений человека (группы лиц) о наборе доступных опций, которые (и опции, и представления о них) намеренно суживают и/или искажают в своих корыстных интересах субъекты господства.

Empowerment определяется и исследуется в проекциях трех компонентов (когнитивных, мотивационных, поведенческих) и на трех уровнях:

– внутриличностный – способность к самоидентификации, умение понять свои интересы и сформулировать их, вера в себя, в свою компетентность, в способность к оценке и расширению своей структуры возможностей и т.д.;

– интерактивный – способность понять и сформулировать интересы сообщества, оценить свою роль в нем и роль других; проявления межличностного и структурного доверия и основанного на нем коллективного действия; способность оценить необходимые для решения общественно значимых вопросов активы сообщества и вероятные последствия принимаемых решений и действий и т.п.;

– поведенческий – участие в осознанных действиях, ориентированных на общее благо и направленных на перераспределение властных активов [Speer 2000; Zimmerman, Rappaport 1988].

Теоретики господства, исследователи и практики в области расширения возможностей человека и наделения его полномочиями солидарны в том, что анализ *empowerment* без анализа структур господства беспредметен.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСПОДСТВА С НОРМАТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ

Социология М. Вебера и его социология господства остаются краеугольными камнями теоретического фундамента современных концепций господства. В то же время развитие последних сформировало научный дискурс господства, который можно назвать постверберианским. Его характерными чертами стали отход от определения власти почти исключительно в парадигме *власть над,* отказ от ценностно-нейтрального определения господства и от нормативного неразличения между властью и господством [Lovett 2010; Stewart 2001; Maynor 2003; Laborde, Maynor 2008]. В абсолютном большинстве современных концепций господства последнее определяется как нелегитимное применение власти, ущемляющее базовые интересы людей и подчиняющее их чужой воле и силе.

Современные теоретики господства отстаивают важность понимания и изучения власти в парадигме "*власть для*". Они утверждают, что оперирование понятием "власть" исключительно в парадигме *власть над* "практически исклю-

чает саму возможность развития теории господства, равно как и сопряженной с ней теории *empowerment*" [Stewart 2001: 6]. В этом контексте они критикуют "однобокость" современного научного дискурса власти, который сосредоточен на исследовании телеологических и конфликтных концепций "*власть над"*.

В научных дискурсах господства и *empowerment* подчеркивается важность экзистенциональных ракурсов парадигмы *власть для,* которая обращена к выявлению природы и генерации власти. В самом общем виде *власть для* определяется как способность к ориентированному на общее благо совместному согласованному действию в публичной сфере. Согласно Х. Арендт, самому авторитетному теоретику *власти для*, власть и политика – не постоянное явление. Они рождаются как коллективное действие, проявляются исключительно в нем и заканчиваются с его прекращением. Бытие политики – это пространство совместности [Arendt 1989].

Современные концепции господства ориентированы на эмпирические исследования. Инструментальный поворот в политической науке упрочил их нацеленность определять ценность концептуальных смыслов возможностью измерить эмпирические значения последних. "Особая привлекательность термина не-господство заключается в том, что он привязывает философскую рефлексию к реальной политике" [Шапиро 2019: 9].

Концепты "эмансипация", "*empowerment*", "не-господство" используются не только как регулятивные идеалы, но и как инструменты, которые позволяют измерять политику и власть на шкале с полюсами "политическая власть /политика эмансипации, *empowerment*-господство / упразднение политики". Понятно, что процесс не считается линейным. В целом признается, что власть и господство сосуществуют, их интенсивность и масштаб подвижны.

Работы, формирующие мейнстрим современного научного дискурса господства, имеют общий посыл: социальные отношения господства лишают политику демократического содержания. Они переформатируют целеполагание демократических институтов и практик: от наделения агентов социального взаимодействия властью и полномочиями до лишения их субъектности и обращения в подданных власти произвола.

ГОСПОДСТВО КАК НОРМАТИВНО-НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В МНОГОМЕРНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ВЛАСТИ

Обращение к многомерным концепциям власти требует хотя бы краткого упоминания о дискурсе эмансипации, власти и господства критической социологии Франкфуртской школы. Ключевая посылка ее основателей – *modus vivendi u modus operandi* технологического прогресса европейской цивилизации (и капиталистического общества, в частности) деструктивны сами по себе. Они неизбежно производят новые и все более изощренные формы господства. Развитие через подавление, господство как способ отношения к природной и социальной среде – "родовая травма" заложенного Просвещением проекта Модерна [Хоркхаймер, Адорно 1997; Маркузе 2003].

По мере того, как практика подтверждала этот постулат критической социологии Франкфуртской школы, в каждом новом измерении многоликих концепций власти фокус анализа последовательно смещается от изучения явных и жестких форм власти к выявлению ее скрытых форм, не менее деструктивных для человека и социума.

Все многомерные/“многоликие” концепции власти исходят из ее веберовского определения в парадигме *власть над*: “возможность подчинить поведение другого собственной воле” [Вебер 2019: 18]. И все они оперируют видением власти как *нормативно-нежелательной*: А осуществляет власть над Б, когда влияет на Б и ущемляет его интересы [Lukes 1974: 14].

Такой лишенный полутонов портрет “лиц” власти затрудняет проведение анализа ее политических и эмансипативных качеств, справедливо считает Марк Хаугаард. Основатель и главный редактор “*Journal of Political Power*” предпринял успешную попытку аналитического различения нормативно-желательной и нормативно-нежелательной власти. По сути, он представил концепцию господства в системе координат многомерных концепций власти. Утверждая, что эмпирические проявления каждого из четырех измерений власти нормативно могут быть как потенциалом господства (*domination*), так и эмансипации (*emancipation*), автор выделяет три главных критерия их разграничения. Это институциональное наличие и поддержание возможности: (1) генерализации правил, (2) воспроизводства структур, (3) использования другого в качестве инструмента для достижения собственной цели [Хаугаард 2019].

Признаком нормативно-желательной власти Хаугаард называет ее осуществление на базе (вос)производства структур в логике теории структурации Э. Гидденса. Структуры, создавая правила и возможность их генерализации, обеспечивают институциональный базис стратегических отношений с ненулевым результатом. (Вос)производство структур принуждает стороны властных отношений следовать установленным правилам, тем самым способствует их генерализации и интериоризации, что обеспечивает диспозиционную власть агентов политического взаимодействия и исключает использование одной из сторон в качестве инструмента другой.

Эту логику М. Хаугаард эксплицирует на каждое измерение/“лицо” власти. В концепции первого “лица” [Dahl 1957] нормативно-желательная власть проявляется в неизбирательном и неукоснительном соблюдении всеми сторонами электорального процесса установленных и прозрачных правил демократического состязания. Следование правилам воспроизводит структуры, что в свою очередь закрепляет и генерализирует правила, воспроизводит диспозиционную власть всех участников конкурентной борьбы, включая проигравшую сторону. Возможность последней взять реванш обеспечивает институциональный порядок. Поэтому поражение на тех или иных выборах – лишь отдельный случай стратегических отношений с положительной суммой.

Второе “лицо” власти [Bachrach, Baratz 1962] приобретает нормативно-желательный “облик”, если принципы институционального включения и механизмы исключения не являются внешними по отношению к структурам.

Заметим, что понятия “внешний контроль” и “господство” используются как полные синонимы и в критической теории Франкфуртской школы, и в неореспубликанской концепции господства. Хаугаард также полагает, что только независимые от внешнего контроля структуры способны обеспечить генерализацию правил и выполнять функцию сохранения пространства институционально поддерживаемых социальных отношений с положительным результатом.

Для различения нормативно-желательной и нормативно-нежелательной форм третьего “лица” власти [Lukes 1974] Хаугаард обращается к идеям П. Бурдьё и Э. Гидденса. Он использует концепты “дискурсивное созна-

ние" (относится к той части габитуса, который акторы осознают на основе рационального и критического осмысления) и "практическое сознание" ("пред-сознательное" нерефлексируемое восприятие как должного принятых в обществе ценностей и порядка вещей, в том числе принципов включения и механизмов исключения). Власть нормативно-желательна в той степени, в какой ее субъект структурно и процедурно ограничен в возможностях, во-первых, сдерживать развитие дискурсивного сознания объекта воздействия; во-вторых, своекорыстно формировать его практическое знание; в-третьих, воздвигать барьеры между областями дискурсивного и практического знаний и тем самым "затворять" последнее в своих интересах. Наконец, дисциплинирующая вездесущая власть Системы-Паноптикума М. Фуко [Foucault 1977, 1980] функционально способна создавать носителя эмансипативных ценностей, а не только "нормализованного" в интересах господствующих сил и легко манипулируемого "массового" человека в терминах Х. Ортеги-и-Гассета.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОСПОДСТВА КАК ВЛАСТИ ПРОИЗВОЛА, ВНЕШНЕГО КОНТРОЛЯ И ДИСЦИПЛИНИРУЮЩЕГО ОБЩЕГО ЗНАНИЯ

Неоклассическая республиканская концепция господства как произвольной власти (*domination as arbitrary power*) по праву признана наиболее влиятельной в современном дискурсе господства. С последней четверти прошлого века она играет роль его мощного интеллектуального движителя. Ценный вклад в концептуализацию власти произвола как антипода власти-*empowerment* вносят не только теоретики неоклассического республиканизма (К. Скиннер, Ф. Петтит. Ф. Ловетт, С. Лабор, Дж. Мэйнер, Р. Беллэми, М. Вироли), но и ее критики. Сложно найти серьезные исследования современных отношений господства без ссылки на работы неоклассиков. Усиливает теоретико-аналитическую притягательность концепции господства как произвольной власти ее открытый характер и постмодернистская толерантность неоклассиков по поводу идеологической таксономии их позиций. Они не видят особых проблем в том, что неороманский республиканизм признается убедительным примером развития как постсоциалистической политической мысли, так и постролзовской ветви неолиберальной политической философии [Laborde, Maynor 2008].

В самом общем виде под господством в неороманской концепции понимается состояние, "испытываемое человеком или группой лиц, в той степени, в какой они зависят от социальных отношений, в которых какой-то другой человек или группа лиц обладают произвольной властью над ними" [Lovett 2010: 15].

Статус канонической имеет трехчастная концепция господства как произвольной власти Ф. Петтита, одного из самых цитируемых теоретиков неоклассического республиканизма. Прижизненный классик называет три признака того, что А обладает властью в форме господства над Б: (1) способность вмешиваться (2) на основе произвола (3) в определенные решения (набор опций), которые имеются у Б [Петтит 2016: 109; Pettit 1996: 578]. Ф. Ловетт, автор высоко оцененной работы по республиканской теории господства, добавил еще одно условие, которое получило поддержку коллег по цеху и теоретиков ресурсистских концепций господства – зависимость. А и Б находятся в отношениях зависимости в форме господства в той степени, в которой Б считает цену своего выхода из этих отношений (субъективно и/или объективно) неприемлемой [Lovett 2010: 61; Lovett, Whifield 2016].

Теорию свободы как не-господства (*freedom as non – domination*) можно назвать архимедовой точкой (нео)романской доктрины. В базирующейся на ней концепции господства как произвольной власти *понятия "господство", "произвольная власть", "внешний контроль" стоят в одном синонимическом ряду*. Они отсылают к онтологии политической философии романской ветви республиканизма, связывающей состояние свободы (*liber)* со статусом свободного человека и гражданина *(civis)* и противопоставляющей его состоянию несвободы, положению раба (*servus*). В неоклассической литературе эта традиция сохранена: состояние свободы как не-господства "эксплицируется как положение того, кто, в отличие от раба, не подлежит произвольной власти другого" [Pettit 2008: 76].

Теория свободы как не-господства трактуется как особый третий подход к пониманию свободы, который возвращает к ее более широкому досовременному республиканскому в*и*дению: не быть ни рабом, ни господином. Неоклассики считают упрощением дихотомическую концепцию И. Берлина "позитивная свобода – негативная свобода" [Skinner 2002; Pettit 2013]. Они утверждают, что теория свободы не-господства радикальнее концепции негативной свободы и предполагает более емкую концепцию демократии. Антоним негативной свободы – вмешательство (*interference*), а антоним (нео)республиканской свободы – господство (*domination*). Суть отличия раскрывает отмеченный выше парадигмальный пример господства в романской ветви республиканизма – отношения господина и раба. Если господин (по неважно какой причине) никогда не вмешивается в жизнь раба, то в критериях негативной свободы этот раб пользуется свободой, а в критериях концепции свободы от господства он все равно остается несвободным, так как над ним висит дамоклов меч воли другого.

Согласно Ф. Петтиту, автору концепта "внешний контроль" в неоромансκой концепции господства, А (субъект власти) осуществляет внешний контроль над Б (объектом власти), когда А контролирует набор возможностей Б, при этом Б не имеет власти над А [Pettit 2008: 106]. Субъекты господства, управляя набором возможностей объектов воздействия, своевольно устанавливают статус последних, ограничивают их способность обнаруживать манипулятивное воздействие и противостоять ему.

Схожие положения развивают авторы многомерных концепций власти и столпы критической теории Франкфуртской школы.

Г. Маркузе, анализируя проявления господства в форме внешнего контроля, вводит понятие "ложные потребности". Субъект господства навязывает их объекту воздействия путем "переформатирования" набора возможностей последнего, целенаправленно и своекорыстно формируя его нужды, влечения, преференции. Ложные потребности "имеют общественное содержание и функции и определяются внешними силами, контроль над которыми индивиду недоступен" [Маркузе 2003: 8]. Ложные потребности подавляют индивидуальность человека и его способность к критическому мышлению. Г. Маркузе утверждает, что выбор из таким образом сформированного набора возможностей уподобляется выбору рабами своего господина.

П. Бахрак и М. Барац власть в формате внешнего контроля анализируют с использованием введенного понятия "мобилизация предрасположенностей" (*mobilisation of bias*): формирование у объектов воздействия "совокупности предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установлен-

ных институциональных процедур и правил игры, которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенным индивидам и группам за счет других" [Bachrach, Baratz 1962: 952]. По справедливому замечанию С. Льюкса, развитие научной дискуссии о том, "как мыслить власть теоретически и как изучать ее эмпирически" [Льюкс 2010: 9] во многом определила максима авторов двуликой власти: исследователь должен начинать не с вопроса социолога "кто правит", а с исследования конкретной мобилизации предвзятостей в изучаемом сообществе, кто и в чем выгадывает или проигрывает от воздействия на ценности и институты общества [Bachrach, Baratz 1962: 952].

Инструментарий многомерных концепций власти и современных концепций господства постоянно совершенствуется для выявления и анализа неявных форм процедурного и/или структурного ограничения набора опций: манипулятивное (пере)формирование интересов, предпочтений, ценностей, диапазона выбора; изменение представлений объекта господства о среде, о его реальных и потенциальных возможностях, о "цене" предполагаемых выгод и издержек того или иного выбора; мотивация к стратегиям "выхода", управление общественной и политической повесткой и т.д.

В ипостаси внешнего контроля господство создает благоприятные условия для интериоризации отношений специфической реципрокности: формирует представления объектов воздействия о "правильном" и/или приемлемом социальном и моральном порядках, о "нужных" и/или доступных возможностях, правах, обязанностях, об "общепринятых" нормах и паттернах поведения и т.д. Власть господства контролирует соблюдение этих правил, поощряет их выполнение, а в случае необходимости принуждает к нему, причем посредством в первую очередь скрытых технологий приневоливания.

Когда власть в форме господства достигает определенной (разной для каждого общества на разных его временны*х* этапах) концентрации, она совершает очередной процесс "почкования": обретает форму общего и дисциплинирующего знания. Господство как дисциплинирующее общее знание – одновременно результат и инструмент процессов его распространения: массовой интериоризации отношений господства и этоса сервитута; потери индивидуальности в процессе социализации в состоянии подчиненных ролей; блокирования ресурсов субъектности и способности к действию (*agency*), снижения ценности эмансипации и *empowerment* у "нормализованных" таких образом членов социума.

Социальное тело приходит в состояние, которое описывают и анализируют в терминах "социальная деградация", "аномия", "дезорганизация социального процесса", "патология рационального" [Honneth 2015]. В коллективном воображаемом объектов усвоенного дисциплинирующего знания социальная патология господства считается обычным положением дел, а выбор в пользу адаптации к такому порядку – единственной и/или наиболее приемлемой жизненной стратегией.

Развертывание власти господства через коллективное воображаемое. Анализ данных общероссийских эмпирических исследований

В исследования ОСПИ проблем конституирования политического пространства в России входит анализ фактора отношений господства. На этот предмет проведена работа по актуализации концептов "власть" и "господство" с нацеленностью на их последующее применение в качестве методологического инструмента исследования российской политики [Господство против политики... 2019].

Перед тем как перейти к анализу эмпирических данных, обозначим некоторые положения разработанного коллективом подхода.

Исходная посылка состоит в том, что определение политики как борьбы за власть (ее приобретение, сохранение, передел, употребление) оставляет вне фокуса внимания эмансипаторное измерение политики.

Оперирование исключительно макиавеллиевским пониманием политики показало свою невысокую аналитическую и прогностическую ценность для изучения взаимообусловленных особенностей российской политии (политическая онтология институтов представительной демократии и института гражданства, незавершенность институционального порядка, проблематичность политико-правового пространства как условия и места демократических по своему содержанию процедур и т.п.).

В качестве теоретического конструкта и инструмента анализа содержания российских институтов и практик коллектив ОСПИ разработал понятие "политика современного типа". Она определена как конкуренция общественных целей, проектов и решений, которая имеет как минимум следующие характеристики: осуществляется в сфере действия универсального права, свободная, транспарентная, публичная, институционализированная как субъект субъектное взаимодействие с ненулевой суммой, ориентированная на общее благо и *empowerment* участников социального взаимодействия, подконтрольная членам сообщества [Структуры господства... 2020; Господство против политики... 2019].

Власть и господство концептуализируются через такое определение политики, которое, как несложно заметить, сопрягается с ее пониманием в парадигме "власть для" и трактовками политики эмансипации и *empowerment.* Власть приобретает политические качества или теряет их тогда и в той степени, когда и в какой степени она конгруэнтна политике современного типа или враждебна ей. В этой системе координат понятия "политика" и "политика эмансипации и *empowerment*" тождественны, а словосочетание "политика господства" становится оксюмороном.

Серия исследований, проведенная ОСПИ в сотрудничестве с Центром социального прогнозирования и маркетинга под руководством Ф.Э. Шереги[2], доказывает безусловную полезность применения дихотомии "политическая власть – господство" как критерия анализа. Выявлены принципиально разные образы и оценки социальной реальности у респондентов, которые ощущают себя в сфере отношений господства и вне ее. Качественное различие коллективных воображаемых стимулирует процессы социетальной дезинтеграции: проецируется на нормы, ценности, предпочтения, ожидания, мотивацию и паттерны поведения, гражданские качества. Исследования, проведенные с разных методологических позиций, рисуют схожую картину [Недяк и др. 2020; Патрушев и др. 2020]. Ниже представлены некоторые результаты анализа эмпирических исследований, проведенного с опорой на неоклассическую республиканскую концепцию господства как произвольной власти. В логике и терминах

[2] Объем выборок, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. – N 700; 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000. Отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах, по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы *IBM SPSS Statistics*. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу (N 3400) и сопоставить результаты.

неороманской доктрины, которая, повторим, ставит знак равенства между свободой от власти произвола и политико-правовым состоянием гражданина, мы выделили две оказавшиеся схожими по социально-демографическим характеристикам группы респондентов: "*civis*" и "*servus*". Подчеркнем, что названия коннотативно не нагружены. Критерием дифференциации выбран ответ на вопрос, считает ли респондент, что может сегодня гарантированно рассчитывать на защиту со стороны закона при конфликте с властью. Группу *civis* составили утвердительно ответившие респонденты (14%). Ко второй группе отнесены респонденты, не считающие себя защищенными институциональным порядком от произвола власти или затруднившиеся ответить на вопрос (86%). Разница "веса" двух групп говорит сама за себя. Аналитическую обоснованность и ценность выделения групп *civis* и *servus* подтверждает выявленное разительное (до 30 и более процентных пунктов) несходство коллективно воображаемой политической среды, нормативно-ценностных, когнитивных и мотивационных установок респондентов подвыборок [Недяк 2021].

31% респондентов подгруппы *civis* согласны с тем, что в российском обществе власть действует в интересах большинства населения. Это мнение разделяет в пять раз меньше респондентов подгруппы *servus* (6%). Заставляют задуматься высокие референтные значения общей выборки – 11%. Считают, что в основе российской политики лежит выгода 70% ощущающих себя в сфере действия власти произвола. Те, кто уверен в своем правовом и политическом статусе *civis,* согласны с этим мнением почти в два раза реже (40%). В то, что политика в России базируется на принципах соблюдения прав человека, верят 33% респондентов подгруппы *civis* и лишь 9% подгруппы *servus* (общая выборка – 16%). Согласны с утверждением, что политика в России зиждется на принципах закона и морали соответственно 62% и 59% респондентов первой группы против 36% и 26% – второй. 41% респондентов группы *servus* против 20% группы *civis* считают, что политика в России – это сфера, в которой преследуются личные интересы (см. рис. 1).

Сформированные в сфере отношений господства представления о политической среде подавляют или обращают вспять процессы *empowerment* на всех трех уровнях – внутриличностным, интерактивном, поведенческом.

Разительное несходство абрисов когнитивных, мотивационных и поведенческих установок групп *civis* и *servus* наглядно иллюстрирует характер формирующего влияния сфер политики *vs* господства. Чувство зависимости от власти произвола резко снижает важный показатель здоровья социума – уровень межличностного доверия. С разницей почти в 40 п.п. респонденты групп *civis* и *servus* согласны с тем, что людям можно доверять (47% и 11% соответственно). Уровень доверия прямо коррелируется с предрасположенностью к ориентации на общее благо и включенностью в жизнь сообщества. С тем, что каждый сам решает свои проблемы и нет особого смысла объединяться с другими, согласны 20% респондентов первой группы и 43% – второй (см. рис. 2).

Отношения господства "поощряют" состояние подчинения, в том числе и внутреннего. Обратим внимание, как разное социальное воображаемое респондентов двух групп проецируется на важнейшие компоненты гражданской идентичности и психологического *empowerment* – веру в свои силы, в способность влиять на принятие общественно значимых решений, важных для организации собственной жизни. Лишь 5% ощущающих себя вне власти произвола согласны с утверждением: "Нет смысла голосовать, все решают

без нас". Этого мнения придерживается в шесть раз больше тех респондентов, которые ощущают себя зависимыми от произвола власть предержащих (33%). 58% группы *servus* согласны с утверждением: "Интересы таких людей, как я, при формировании и реализации политики не учитываются ни на каком уровне". Их пессимизм разделяют лишь 17% респондентов первой группы.

Рисунок 1 (Figure 1)

Представления о политической среде групп респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при конфликте с властью

Perceptions of the Political Environment. Sub-Sample by Criterion of Confidence in the Protection of the Law in the Event of Conflict with the Authorities

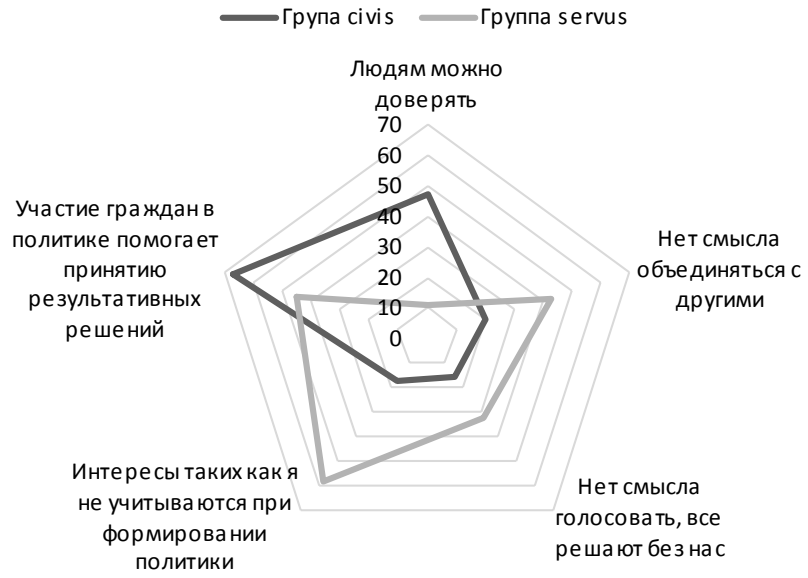
Пресс власти господства "раздавливает" ценности *empowerment*, отчуждает граждан от политики. Не случайно *alienation* – производное от английского обозначения "внешний" в концепте внешний контроль (*alien control*) – переводится как отчуждение. Считают, что участие граждан в политике помогает принятию результативных решений 67% группы *civis* против 45% группы *servus*.

Несколько ремарок в заключение. В "старых" демократиях отношения господства размывают фундамент устоявшихся институтов. В России власть в форме господства более "токсична", так как она профанирует содержание демократических институтов и практик в процессе их становления. Не встречая сколько-либо заметного системного противодействия, отношения господства достигли "качества" дисциплинирующего общего знания. Если исходить из справедливого утверждения, что реальность создают освоенные индивидом воображаемые общественные значения [Castoriadis 1987], тогда на шкале "власть/политика эмансипации – господство/упразднение политики" российская полития близка ко второму полюсу. Данные проведенных ОСПИ четырех волн общероссийских обследований позволяют резюмировать, что воображаемые общественные значения, которые формируются (и воспроизводятся) в сфере отношений господства, в целом освоены большинством респондентов. Дезориентированы

не только “простые люди”, но и вовлеченные в политическое участие граждане. 52% респондентов, заявивших, что они участвуют/участвовали в политической деятельности, затруднились ответить, с какой целью они это делают/делали.

Рисунок 2 (Figure 2)

Когнитивные, поведенческие и мотивационные установки подгрупп, выделенных по критерию уверенности в защите закона при конфликте с властью
Cognitive, Behavioral and Motivational Patterns. Sub-Sample by Criterion of Confidence in the Protection of the Law in the Event of Conflict With the Authorities

Дискутируемые в научном и практическом дискурсах господства и *empowerment* стратегии минимизации отношений господства – предмет отдельного обсуждения. Применительно к российскому случаю первоочередной из предлагаемых мер представляется “вживление” принципа политико-правового равенства в нормативно-ценностную структуру и моральный кодекс общества.

DOI: 10.17976/jpps/2022.01.11

THE CONCEPTUALIZATION OF POWER IN THE CONTEMPORARY SCIENTIFIC DISCOURSE OF DOMINATION

I.L. Nedyak[1]

[1] *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

NEDYAK, Irina Leonidovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email: iraned@mail.ru

Nedyak, I.L. (2022). The conceptualization of power in the contemporary scientific discourse of domination. *Polis. Political Studies,* 1, 136-149. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.11

Received: 26.10.2020. Accepted: 16.06.2021

Abstract. This article examines the tensions between political power and domination in contemporary democratic societies. In doing so, it explores the ways to study power relations in the framework of modern conceptions of domination. Their analytically promising development was stimulated by the widespread and large-scale intensification of social relations of domination. Domination is defined as a form of structural and dispositional power that deprives the representative institutions of their democratic content and enhances non-political power interaction. The modern theory of domination claims emancipation and empowerment to be the highest political values and raison d'etre of democracy. Power and politics are evaluated on a scale which has for poles "non-political power/domination" and "political power /empowerment". The paper presents the most influential modern concepts of domination and reviews the major divisions in discussions of power and democratic politics in the scientific discourse of domination. The working hypothesis of the theory of domination was verified using the data of all-Russian representative surveys (2018, 2019, 2020, 2021) conducted by the Comparative Political Research Department of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The article explores data analysis that was done in line with the approach of the Neo-republican conception of domination as arbitrary power, which is widely recognized as the most influential in the contemporary discourse of domination. The finding that there is a deep penetration of relations of domination in Russian society is reached by estimating their impact in several dimensions: processes of alienation and social disintegration, interiorization of political culture of servitude, promotion of strategies of "exit".

Keywords: power, domination, politics of emancipation, empowerment, conceptions of domination.

References

Arendt, H. (1989). The human condition. London: University of Chicago Press.

Bachrach, P., &Baratz, M. (1962). Two faces of power. *American Political Science Review*, 56, 947-952. https://doi.org/10.2307/1952796

Castoriadis, C. (1987). The imaginary institution of society. Cambridge, MA: Polity Press.

Dahl, R. (1957). The concept of power. *Behavioral Science,* 1, 101-215.

Foucault, M. (1977). Discipline and punish: the birth of the prison. New York: Vintage.

Foucault, M. (1980). Two lectures. Power/knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977. New York: Pantheon.

Honneth, A. (2015). Freedom's right: the social foundations of democratic life (new directions in critical theory). New York: Columbia University Press.

Laborde C., & Maynor J. (2008). Republicanism and political theory. Oxford: Blackwell.

Lovett, F. (2010). A general theory of domination and justice. Oxford: Oxford University Press.

Lovett, F., & Whitfield, G. (2016). Republicanism, perfectionism, and neutrality. *Journal of Political Philosophy*, 4(1), 120-134. https://doi.org/10.1111/jopp.12067

Lukes, S. (1974). Power: a radical view. London: MacMillan.

Maynor, J. (2003). Republicanism in the modern world. Cambridge: Polity Press.

Perkins, D.D. (2010). Empowerment. In R.A. Couto (Ed.), *Political and civic leadership* (pp. 207-218). Thousand Oaks, CA: Sage.

Pettit, Ph. (1996). Freedom as antipower. *Ethics. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*, 106(3), 576-604.

Pettit, Ph. (2008). Republican liberty: three axioms, four theorems. In C. Laborde, & J. Maynor (Ed.), *Republicanism and political theory* (102-132). Oxford: Blackwell.

Pettit, Ph. (2013). Two republican traditions. In A. Niederberger, & P. Schink (Ed.), *Republican democracy. liberty, law and politics* (pp. 169-204). Edinburg: Edinburg University Press.

Skinner, Q. (2002). A third concept of liberty. *Proceedings of the British Academy*, 117, 136-268. https://doi.org/10.5871/bacad/9780197262795.003.0007

Speer, P.W. (2000). Intrapersonal and interactional empowerment: implications for theory. *Journal of Community Psychology*, 28(1), 51-61. https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6629(200001)28:1%3C51::AID-JCOP6%3E3.0.CO;2-6

Stewart, A. (2001). Theories of power and domination. The politics of empowerment in late modernity. London, N. Deli: Thousand Oaks.

Zimmerman, M.A., & Rappaport, J. (1988). Citizen participation, perceived control, and psychological empowerment. *American Journal of Community Psychology*, 16, 725-750. https://doi.org/10.1007/BF00930023

Haugaard, M. (2019). Rethinking the Four dimensions of power: domination and empowerment. – *Political Science (RU),* 3, 30-62. (In Russ.) http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02

Horkheimer, M., & Adorno, Th.W. (1997). Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. (Russ. ed.: Horkheimer, M., & Adorno, Th.W. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Moscow, Saint Petersburg: Medium, Yuventa).

Lukes, S. (2010). Power: A radical view. (Russ. ed.: Lukes, S. Vlast': Radikal'nyi vzglyad. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House).

Marcuse, H. (2003). Der eindimensionale Mensch. (Russ. ed.: Marcuse, H. Odnomernyi chelovek. Moscow: AST Publ., Ermak).

Nedyak, I. (2021). Power and domination in the collective imaginary. Factors of the (de)formation of the political sphere in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 30-45. (In Russ.) http://www.doi.org/10.31857/S086904990015418-1

Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., Patrushev, S.V., & Philippova, L.E. (2020). Political field and zone of power: ideal type varieties and an empirical verification. *Sociological Studies*, 1, 42-53. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8

Patrushev S.V., & Filippova L.E. (2019). Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai. Effektivnost' institutsional'noi politiki i potentsial strategii politicheskikh izmenenii [Domination against politics: the Russian case. The effectiveness of institutional policies and the potential of policy change strategies]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Patrushev, S.V., & Filippova, L.E. (2020). Struktury gospodstva, grazhdane i instituty [Structures of domination, citizens and institutions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Patrushev, S.V., Kuchinov, A.M., Miryasova, O.A., Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., & Filippova, L.E. (2020). Formation of civic responsibility in Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 8(1), 27-47. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093

Pettit, Ph. (2016). Republicanism: a theory of freedom and government. (Russ. ed.: Pettit, Ph. Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara).

Shapiro, I. (2019). Politics against domination. (Russ. ed.: Shapiro, I. Politika protiv gospodstva. Moscow: Praxis. 476 p.)

Weber, M. (2019). Economy and society: an outline of interpretive sociology. (Russ ed.: Weber, M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Vol. 4. Sotsiologiya. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House).

Литература на русском языке

Вебер М. 2019. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: В 4 т. Т. IV: Господство. М.: ИД ВШЭ. 542 с.

Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной политики и потенциал стратегий политических изменений. 2019. Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 319 с.

Льюкс С. 2010. *Власть: Радикальный взгляд*. М.: Изд. дом ВШЭ. 240 с.

Маркузе Г. 2003. *Одномерный человек*. М.: Издательство АСТ, ЗАО НПП "Ермак". 331 с.

Недяк И.Л. 2021. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де) формирования политического пространства России. – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 30-45. http://www.doi.org/10.31857/S086904990015418-1

Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. 2020. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации. *Социологические исследования*. № 1. С. 42-53. https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8

Патрушев С.В., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. 2020. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 8. № 1. С. 27-47. https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093

Петтит Ф. 2016. *Республиканизм. Теория свободы и государственного правления*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 488 с.

Структуры господства, граждане и институты. 2020. Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 318 с.

Хаугаард М. 2019. Переосмысление четырех измерений власти: Доминирование и расширение возможностей. *Политическая наука*. № 3. С. 30-62. http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. 1997. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. М., СПб.: Медиум, Ювента. 312 с.

Шапиро И. 2019. *Политика против господства*. М.: Праксис. 476 с.